

05.11.2015

[Открытая левая](#)

[Культура](#), [Политика](#), [Статьи](#)

- [Кто и зачем?](#)

Поиск

Перевод с феминистского на феминистский

[Элла Россман](#) / 5 ноября 2015 /

Выставка «И - ИСКУССТВО, Ф - ФЕМИНИЗМ»: критический анализ.

В своей статье [«В горящей избе. Феминистское искусство в России 2014–2015»](#) искусствовед Надя Плунгян впервые зафиксировала и критически пересмотрела тенденцию последних лет — неожиданную популярность выставки как способа высказывания современных российских феминисток. Вероятно, интерес к форме экспозиции как к пространству потенциального многоголосия был вызван успехом выставок «Феминистский карандаш» и «Феминистский карандаш-2», которые курировала сама Плунгян совместно с художницей Викторией Ломаско, а также иных художественных проектов на «женскую» или «феминистскую» тематику — «Кухня» (2014), «А как же любовь?» (2015) и др. Продолжением этой тенденции стала выставка «И — ИСКУССТВО, Ф — ФЕМИНИЗМ», открытие которой состоялось 24-го октября сразу в двух галерейных пространствах НИИДАР в Москве. Гендерный исследователь Элла Россман комментирует это событие с критических позиций.

Согласно [кураторскому тексту](#), выставка «И — ИСКУССТВО, Ф — ФЕМИНИЗМ» посвящена «рассмотрению как хорошо известных понятий, требующих рефлексии в меняющемся культурном контексте, ... и критическому переосмыслению актуальных событий, стереотипов, законов, бытовых случаев через феминизм». Организацией проекта и кураторской работой занимались художественный критик Ильмира Болотян, художницы Марина Винник и Микаэла. В соответствии с их замыслом в центре внимания экспозиции находится язык феминистского высказывания — то, как участницы выставки осмысливают свое социальное положение, телесность, перспективы своей борьбы и прочие, в том числе авербальные вещи, с помощью определенной терминологии.

Выставка представляет собой словарь. Этот словарь, или, точнее сказать, тезаурус можно найти на стене основной галереи. Каждая из экспонируемых работ относится к одному из слов и служит наглядной иллюстрацией его значения. Словарь, как известно, является справочным пособием, которое создается для конкретных целей, например, для перевода с одного языка на другой. При первом же столкновении с экспозицией «И — ИСКУССТВО, Ф — ФЕМИНИЗМ» возникают вопросы: зачем этот словарь лично мне? как он может пригодиться зрителю? как этот словарь можно задействовать в зрительской активности?

Ключевой посыл выставки изначально представляется несколько двойственным. С одной стороны, зрителю предлагается переосмыслить язык феминистского высказывания, и это дает основания полагать, что зритель данным языком уже пользуется. И действительно, большинство гостей выставки знакомо с феминистской повесткой не понаслышке — вряд ли кто-либо из них нашел для себя что-то новое. При этом каждое слово из представленных на стене снабжено пояснением, рассчитанным скорее на непосвященного зрителя, только начинающего свое знакомство с феминистской тематикой. Наконец, слова призваны описывать некоторый опыт (телесный, социальный), о котором рассказывают работы. Надо заметить, что многие из этих работ отсылают к плакатному искусству: их плакатный характер в контексте словаря воспринимается как чистая иллюстративность. Так чем же в таком случае должен быть предлагаемый нам (к переосмыслению?) язык:

местом встречи зрительского опыта с опытом художниц? Материалом для усвоения? Высказыванием, предполагающим критическую рецепцию?

feminism2

Выставка и ее содержание словно зависят между объяснением теоретических основ и приглашением эти основы переосмыслить (главным образом, переосмыслить отдельные термины). Необходимый шаг в сторону переосмысления сделан не до конца, приостановлен. Экспликации словарных терминов представляют собой набор крайне общих определений, авторство и контекст возникновения которых не проясняется, из-за чего феминистский язык будто бы изымается из обыденной жизни. В экспозиции зритель не находит «точки отсчета» – указания, на что ему следует опираться (на какие тексты? на какой опыт? опыт собственный или опыт художниц?) в своей рефлексии слов, написанных на стене галереи, а также в их усвоении (если они до сих пор не усвоены).

Подобное зависание – следствие размытого образа аудитории, к которой обращена выставка, а также отсутствия проговоренных целей и тактик взаимодействия с этой аудиторией. Однако проблема может иметь и более глубокие корни: исследовательский язык, оказавшийся в центре внимания кураторов, ощущается отчужденным по отношению к опыту, который художницы осмысливают в своих работах. При этом, как кажется, выставка предполагает солидаризацию, отсылает к идеям «сестринства», популярным среди американских феминисток 70-х – идеям, связанным с осознанием своего тела и особенностей его устройства, с переживанием опыта романтических отношений, с осмыслением опыта столкновения с разного рода правилами и нормами поведения, имеющими репрессивный характер. Тот факт, что речь идет о различных переживаниях и разных типах опыта, несводимых к единому знаменателю, и тот факт, что не каждый из этих «опытов» релевантен посетителю выставки, не проговариваются вовсе.

feminism3

В своей работе «Созерцаю историю искусства: видение, позиция, власть» Грительда Поллок пишет о необходимости социологической оптики при анализе произведения искусства. Она подчеркивает, что такой взгляд проясняет политический контекст, внутри которого существует искусство, деполитизированное обращением к одной только форме (колориту, образам, и пр.). Этот социологический подход представляется вполне логичным при анализе феминистской выставки, работающей с актуальными социально-политическими темами. В таком случае при детальном знакомстве с художественными работами выставки «И — ИСКУССТВО, Ф — ФЕМИНИЗМ» возникает закономерный вопрос: в каких условиях и при каких обстоятельствах авторкам и авторам приходилось сталкиваться с проблемами, о которых они говорят — с неравенством при получении образования, с комплексом сложностей, связанных с материнством, с дискриминацией на рабочем месте? Каков контекст всех этих историй? О каких социальных условиях идет речь? И кем является сам рассказчик?

История о феминистской выставке, работающей с языком, но при этом не создающей внятного диалога со зрителем, это еще и история о концептуалистском методе, который плохо работает с феминистской тематикой. Концептуалистский подход выхолащивает феминистскую повестку, сообщая ей избыточную рациональность; он превращает рефлексии в дистанцированное наблюдение за внутренней логикой гендерной системы без включенности в нее, без необходимого узнавания. Работы, в которых используется концептуалистский метод (и вся концептуалистская рамка выставки), упрощают современную феминистскую повестку.

Создателям подобных выставок стоит помнить, что феминизм как интеллектуальное течение — это не «наглухо» закрытая сфера со своими внутренними играми, а в первую очередь определенная перспектива, особый взгляд на происходящие вокруг события. В качестве позитивного примера можно вспомнить выставку «А как же любовь?» (Санкт-Петербург, весна 2015), задачей которой стала рефлексия и репрезентация современных представлений о романтических отношениях. Поставленный таким образом вопрос об отношениях — это тоже вопрос о языке, но включающий в себя вопрос об ответственности и эмпатии, об умении поддержать и принять поддержку, и о многих других вещах, полноценное обсуждение которых не может состояться без настройки феминистской оптики.

Одной из самых сильных работ проекта «И — ИСКУССТВО, Ф — ФЕМИНИЗМ» выглядит «Реквием по романтической любви» художницы Анастасии Вепревой (вместе с другими питерскими художницами Вепрева курировала упомянутую выше выставку «А как же любовь?»). Ее работа — это видео-исследование, темой которого является специфика влияния советского кино о любви на идею романтических отношений у современных российских женщин, живущих в постсоветскую эпоху. Перед нами не отстраненное, сугубо аналитическое исследование: представления о романтике, сформированные советскими фильмами, «ломают» героиню Вепревой, угнетают ее. Художница не предлагает нам выхода из этой нездоровой заикленности на ретроспективных идеалах, но транслирует эмоцию, вызывающую эмпатию. Другим «местом силы» экспозиции стала комната с перформансами, которая была открыта в первый день работы выставки. Она представляла собой

одно, несколько сомнамбулическое пространство, в котором чувствовалась возможность вербального и невербального диалога, эмоционального обмена между художницами и зрителями. Возможно, это впечатление связано с реальным присутствием художниц в качестве активных участниц – присутствием, располагающим к контакту. Не является ли буквальное присутствие художниц одним из ключевых требований феминизма по отношению к художественному миру?

feminism4

Безусловная ценность выставки «И — ИСКУССТВО, Ф — ФЕМИНИЗМ» заключается в том, что она позволяет сформулировать некоторые выводы и предложения.

Во-первых, неясный «аналитический» феминизм вне зависимости от его формы – художественной, поэтической, исследовательской и пр. – не будет «способствовать большей включенности разных женщин [рабочих, студенток, нужно подчеркнуть] в художественные процессы [борьбу, протест, нужно подчеркнуть]». Эта включенность обеспечивается с помощью больших и, вероятно, рискующих показаться скучными просвещенческих программ – дискуссий, семинаров, распространения и обсуждения пояснительных текстов и других монотонных действий, которые уже предпринимаются активистами, но пока еще не стали общепринятой практикой в российской феминистской среде.

Во-вторых, имеет смысл разделять феминистский активизм и феминизм как область интеллектуальных исследований. Несмотря на то, что граница между ними весьма условна, в некоторых случаях она должна быть прочерчена. Потребность в этой границе возникает и на выставке в НИИДАРе.

Активизм предполагает не только и не столько экспонирование, сколько внятный разговор о феминистских стратегиях и целях в максимально широком поле и с аудиторией, которая не ограничивается околхудожественной средой. Нужны конкретные действия – такие, как, например, сбор денег для центра помощи жертвам сексуального насилия «Сестры». Здесь хочется отметить работу Александры Талавер и Ульяны Быченковой, включенную в выставку «И — ИСКУССТВО, Ф — ФЕМИНИЗМ». Она представляла собой именно сбор средств на работу упомянутого центра – на стойке при входе на выставку были выложены

зины и стояла банка для пожертвований. В некоторой степени эту работу можно назвать деконструкцией всей идеи феминистского искусства в том виде, в котором оно существует в современной России.

Если говорить о феминизме как интеллектуальном течении, то он сегодня ушел в своем развитии далеко от того, что представлено на экспозиции «И — ИСКУССТВО, Ф — ФЕМИНИЗМ». Для меня как для гендерного исследователя существует необходимость комплексного и тонкого анализа различных общественных явлений в феминистской перспективе при увеличении разнообразия текстов и идей. В качестве интеллектуального течения феминизм имеет полное право на то, чтобы выйти в мир и влиться в дискуссию о самых разных вопросах, актуальных для российской интеллектуальной среды и российского общества. Игнорирование, пренебрежение феминистской повесткой, которое имеет место сегодня, есть не что иное, как исключение огромной социальной группы из публичного диалога. Самодистанцирование феминисток от актуальных дискуссий, которое периодически случается, это, в свою очередь, самоисключение, жест самоизоляции со стороны самих участниц женского движения. Выставка «И — ИСКУССТВО, Ф — ФЕМИНИЗМ» стала проектом, который сигнализирует о необходимости включения феминистской повестки в более широкую общественную дискуссию. Хочется надеяться, что это ощущение общее.

Элла Россман – гендерный исследователь.

Автор благодарит Марину Симакову за помощь в работе над текстом.

[Твитнуть](#)

Комментарии

Разделы

Подпишитесь на обновления :

- [Twitter](#)
- [Facebook](#)
- [RSS](#)
- [Почтовая рассылка](#)

Почта для связи: openleft@openleft.ru

